

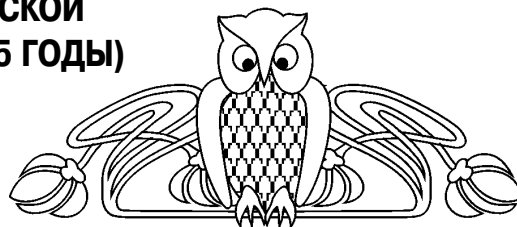
- ⁵⁸ Ine, 6. 54.
⁵⁹ Ibid. Prol.
⁶⁰ Ine, 6, §2–5; 7; 27.
⁶¹ Ibid. 44, §1; 51; 70, §1.
⁶² См.: *Beda Venerabilis*. *Historia*. II, 16.
⁶³ См.: *Bruce-Mitford R.L.S.* *Aspects of Anglo-Saxon archaeology: Sutton Hoo and other discoveries*. L., 1974; *Gamber O.* *The Sutton Hoo military equipment – an attempted reconstruction* // *J. of Arms and Armour Society*. 1966. Vol. 5. P. 265–289; *Green C.* *Sutton Hoo: the excavation of a royal ship-burial*. L., 1963.
⁶⁴ Подробнее см.: *Arnold C.J.* *An archaeology of the early Anglo-Saxon kingdoms*. 2-nd ed. L.; N.Y., 1997. P. 207–208.
⁶⁵ *Bruce-Mitford R.L.S.* *Op. cit.* P. 7–17.
⁶⁶ *Arnold C.J.* *Op. cit.* P. 208.
⁶⁷ *Bruce-Mitford R.L.S.* *Op. cit.* P. 6.
⁶⁸ См.: *Arnold C.J.* *Op. cit.*
⁶⁹ Из современной литературы, посвященной погребению в Саттон Ху, см.: *The age of Sutton Hoo: the seventh century in north-western Europe* / Ed. by M.O.H. Carver. Woodbridge; Rochester, 1992; *Carver M.O.H.* *Sutton Hoo: Burial ground of kings?* Philadelphia, 1998; *Evans A.C.* *The Sutton Hoo ship burial*. Rev. ed. L., 1994; *Voyage to the other world: the legacy of Sutton Hoo*...
⁷⁰ Традиционно считалось, что погребение в Саттон Ху принадлежало королю Восточной Англии Рэдвальду (? – ок. 625 г.); в последнее время появилась точка зрения, приписывающая его королю Эссекса Сеаберту (? – после 605 г.). См.: *Arnold C.J.* *Op. cit.* P. 210.
⁷¹ «Слово короля, как и епископа безупречно и без при- сяги», – гласит текст источника. См.: *Wihtraed*, 16.
⁷² *Hlothaere, Eadric*, Prol.
⁷³ *Ine*, Prol.

УДК 94(410)32.001

РАССКАЗ ОРДЕРИКА ВИТАЛИЯ О СМЕРТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКЕ ВРЕМЕН ГЕНРИХА I (1100–1135 ГОДЫ)

Е.Е. Савицкий

Институт всеобщей истории РАН, Москва
Центр интеллектуальной истории
E-mail: savitski@rambler.ru

Статья посвящена анализу рассказа Ордерика Виталия о смерти Вильгельма Завоевателя (1087 г.) и ее значению в политической полемике времен Генриха I. Автор обращается к обстоятельствам смерти короля Вильгельма I, которые стали в последние десятилетия предметом полемики, в контексте рассмотрения сложной археологии текста Ордерика Виталия, с учетом прагматики того времени.

Ключевые слова: англо-нормандская история, «Церковная история» Ордерика Виталия, ритуал похорон, ритуал разграбления тел умерших, тело короля, модель текста, Ордериковская версия истории.

Orderick Vitaliy's Story about the Death of William the Conqueror in the Political Polemics during the Reign of Henry I (1100-1135)

Е.Е. Savitskiy

The article is devoted to the analysis of Orderick Vitaliy's story about the death of William the Conqueror (1087) and its importance in the political polemics during the reign of Henry I. The author examines the details of king William the Conqueror's death, which have provoked a lot of arguments for the last decades, considering a difficult structure of Orderick Vitaliy's text and taking into account the pragmatics of the period.

Key words: Anglo-Norman history, «Church history» of Orderick Vitaliy, burial ceremony, the ritual of robbing the dead bodies, the body of the king, the text model, Orderick's version of history.

Седьмая книга «Церковной истории» Ордерика Виталия завершается рассказом об обстоятельствах смерти Вильгельма Завоевателя в 1087 г.¹ Рассказ этот настолько хорошо знаком специалистам по англо-нормандской истории, что в своих работах они обычно просто пишут «об известных обстоятельствах кончины короля». Ордерик рассказывает о последней болезни государя, его предсмертной речи, «которая заслуживает, чтобы быть запомненной»², о благочестивых распоряжениях государя. Король в рассказе Ордерика знает час своей смерти: «В четверг 9 сентября король проснулся, когда Феб лишь начинал распространять над землей свои лучи, и услышал звук большого колокола на соборной церкви. Он спросил у присутствовавших, который час, и ему ответили: «Государь, в церкви св. Марии пробил час первый». Тогда король воздел глаза к небу, простер руки и воскликнул: «Госпожа Богоматерь святая Мария, препоручаю тебе себя, дабы своими молитвами ты примирила меня со своим дражайшим сыном Господом нашим Иисусом Христом». И сказав сие, умер»³.

Присутствовавшие при этом врачи от внезапности королевской кончины едва не потеряли разум, аристократы же сразу вскочили на лошадей и помчались в свои владения, все прочие же немедленно занялись грабежом, унося оружие, посуду, одежды, ткани и вообще все, что принад-

лежало королю, оставив его лежать на полу почти голым. Чудесным образом весть о смерти короля немедленно стала известна некоторым из бежавших от его правосудия в Риме и Калабрии – потом они сами об этом рассказывали. Ужас охватил тем временем жителей Руана, которые шатались по улицам, не зная, что делать, или старались перевести куда-то и припрятать свое имущество.

Наконец, архиепископ Гийом распорядился перевести тело в Кан и похоронить короля там, в церкви аббатства Св. Стефана. Поскольку все королевские слуги разбежались, о перевозке тела позаботился из чувства милосердия некий рыцарь Херлуин. На этом, однако, злоключения покойного короля не закончились, ибо, когда аббат Жильбер в Кане во главе процессии вышел встречать его, в одном из домов внезапно начался пожар, уничтоживший большую часть города. Как только языки пламени взвились в небо, люди стали в панике разбегаться, и лишь монахи довершили литургию.

В самый же день похорон, когда в церкви Св. Стефана собрались около 20 нормандских епископов и аббатов, и епископ Жильбер из Эвре произнес проповедь (ее Ордерик кратко пересказывает), вперед выступил некий рыцарь Асцелин и во имя Господа запретил хоронить короля на этой земле, поскольку она некогда была незаконно у него отобрана. Несколько соседей тут же подтвердили правоту рыцаря. Епископам и аббатам пришлось немедленно заняться этим делом, и добрыми словами они смогли склонить Асцелина к согласию. Кроме того, только за землю, занимаемую могилой, Асцелину немедленно отсчитали 60 шиллингов, и еще больше он должен был получить впоследствии за остальной участок земли, на котором располагалось основанное королем аббатство.

Уладив эту проблему, присутствующие продолжили ритуал похорон, однако тут выяснилось, что каменщики вытесали саркофаг слишком коротким и узким, тело короля не помещалось. Его попытались втиснуть силой, немного согнув, но от этого раздувшийся живот лопнул, распространив такой смрадный запах, что его могли ощущать не только те, что стояли рядом, но и вообще вся толпа собравшихся. Запах не был настолько силен, говорит Ордерик, чтобы вовсе прервать церемонию, однако священники постарались завершить ее побыстрее и тут же разошлись.

Рассказ Ордерика, написанный между 1130 и 1135 гг., расходится с анонимным повествованием «De obitu Willelmi» 1097–1100 гг.⁴, где ни о каких подобных происшествиях не сообщается, хотя текст по времени гораздо ближе к событиям. Рассказ упоминает о сооружении серебряной арки над могилой Вильгельма I и, видимо, сам связан с заботой короля Вильгельма II о мемориализации отца уже в первое десятилетие после его смерти. Историки склонны во многом доверять этому рассказу (например, в том, что касается реально-

сти серебряной арки), однако в целом «De obitu» представляет собой переработку каролингских литературных образцов, и потому выглядит менее убедительным, чем более поздняя, но как бы более «живая» и «спонтанная» версия Ордерика, столь богатая яркими подробностями⁵.

В последние десятилетия обстоятельства смерти короля Вильгельма стали предметом полемики, не связанной прямо с англо-нормандской историей. В 1970-е гг. Райнхард Эльце, тогдашний директор Немецкого исторического института в Риме, опубликовал статью о своеобразном ритуале разграбления тел умерших пап и высказал предположение о существовании более широкого европейского обычая разграбления тел умерших государей. Одним из его примеров был рассказ Ордерика о разграблении трупа Вильгельма I⁶. После Эльце этой проблематикой занимались такие именитые историки, как Карло Гинзбург, Агостино Паравичини-Бальяни, Джулиан Гарднер, М.А. Бойцов и многие другие⁷; объяснения этого странного ритуала предлагались разные, но когерентность самой серии примеров под сомнение не ставилась, и история о Вильгельме Завоевателе кочевала из работы в работу как несомненно схожая со всеми прочими и заслуживающая доверия. Проблема в том, что, как и все другие примеры в этой дискуссии, рассказ о короле Вильгельме был совершенно вырван из контекста. Исследователей не интересовало, что говорит Ордерик страницей раньше или страницей позже, что хотел сказать автор этой историей, о чем собственно в ней говорится.

История смерти Вильгельма имеет и свою собственную небольшую историографию. С одной стороны, это традиционные исследования по политической истории, которые склонны верить рассказу Ордерика⁸. С другой стороны, это исследования в духе истории ментальностей, которые отказываются рассматривать этот текст на предмет его соотношения с реальностью: так, для А.Я. Гуревича этот рассказ есть всего лишь пример средневекового отношения к смерти. Рассказ говорит не о том, о чем он повествует буквально: он не о смерти короля, а о бренности жизни. Как писал Гуревич: «Если рассматривать сообщение Ордерика в общем контексте “Церковной истории”, то мы придем, скорее, к заключению, что Ордерика меньше всего заботило собирание информации о том, как в самом деле умер Вильгельм и каковы были обстоятельства его погребения. Церковный автор противопоставляет грешную земную жизнь радостям небесных чертогов; плоть обречена смерти и гниению, независимо от того, тело ли это монарха или простолюдина, ибо смерть уравнивает всех. Ордерик переключает внимание с факта смерти и похорон короля на созерцание противоположности небес и земли, вечности и скоропреходящего. Если его рассказ представляет собой источник сведений, то это сведения не об однократных и в высшем смысле

малозначительных фактах земного бытия, а об извечном противостоянии жизни и смерти, о бренности человеческого существования, и именно в этом смысле этот текст опять-таки заслуживает внимания историка прежде всего как указание на картину мира средневекового монаха»⁹.

И действительно, показав нам брошенное тело короля, Ордерик сравнивает человеческую жизнь с пузырями на воде, которые возникают и тут же обращаются в ничто. И вот, так же, только что могущественный король лежит теперь раздетый на полу в чужом доме, брошенный всеми¹⁰. Подобный мотив встречается и в описаниях смертей иных государей, в том числе английских. Этот проповеднический аспект, как будет видно, действительно важен для понимания того, как сложился рассказ о смерти Вильгельма.

Проблема, однако, в том, что история о разграблении очевидно избыточна для простого воспроизведения топоса бренности жизни: обычно в таких случаях достаточно просто красочного описания разлагающегося тела. Кроме того, избегая вопроса об исторической истинности, история ментальностей просто вписывает рассказ Ордерика в иной сопоставительный ряд, нежели сторонники теории разграблений, сам же рассказ остается вырванным из своего контекста: когда А.Я. Гуревич говорит об «общем контексте «Церковной истории»», он имеет в виду всего лишь обобщенный образ того, чем, как считается, были средневековые «Церковные истории», а не особенности текста Ордерика. Как ни странно, его «Церковная история», этот ключевой текст для средневековой английской истории, до сих пор остается неисследованным на предмет своей внутренней логики.

Что касается конкретно рассказа о смерти Вильгельма, то мне кажутся тут важными две вещи: во-первых, необходимо рассмотреть его в рамках сложной археологии текста Ордерика Виталия, в котором ни одна история не гомогенна по своему составу, и потому выглядит крайне изломанной. Во-вторых, надо отказаться от перенесения в прошлое фикции позитивистского историка, который сообщает что-то просто так, желая сохранить как можно больше для будущего, и потому всякое высказывание должно быть рассмотрено как сделанное во времени, связанное с прагматикой этого времени.

Чем отличалось время Ордерика? Начнем с его собственного, личного времени, времени его жизни. Ордерик Виталий родился в 1075 г., через девять лет после битвы при Гастингсе. По матери он англичанин, но в своих автобиографических рассказах фигуру матери всячески замалчивает, в отличие от отца, о котором пишет довольно много. При этом Ордерик всячески подчеркивает свою «английскость», живя в нормандском монастыре, куда его отдали в возрасте 10 лет¹¹. К этой картине «конфликта идентичностей» можно еще добавить, что историю Ордерик пишет по заказу

своего нормандского аббата и с использованием местных анналов и других текстов, но, подражая англичанину Беде Достопочтенному, что иногда описывалось как личное увлечение, но эта стилизация, как будет видно, в 1110-е гг. могла быть и политическим выбором.

Ордерика пришлось жить как бы в две разные эпохи: сначала правление двух Вильгельмов (1066–1100), с их политикой подавления в отношении англичан, и затем время короля Генриха I (1100–1135), который стремится к примирению с ними, и даже более того, это завоевание Генрихом с его английским войском Нормандии в 1106 г., победа при Тиншебрэ через 40 лет после поражения при Гастингсе, пленение герцога Роберта. Тем самым фигура автора была исторична не только в плане своей конфликтной раздвоенности между «английскостью» и «нормандскостью», но сам характер этого противопоставления изменился в течение жизни Ордерика Виталия. Тут опасно проводить прямые параллели, но показательно, что Ордерик, описывавший свои ранние годы как травматический опыт мигранта в чужой стране, языка которой он не понимал¹², позднее, в 1110–1130-е гг., мог даже гордиться своей английскостью и писать нормандскому монастырю историю на английский манер – в отличие от своих предшественников, до самого конца XI в. ориентировавшихся на каролингские образцы. Но эта идентификация на общеполитическом уровне тоже неоднозначна, и тут важно еще одно обстоятельство.

После 1106 г. монастырь св. Эбрульфа, где жил Ордерик, оказался в политически сложной ситуации – и до 1106 г., не позднее, до 1113 г., он поддерживал графа Роберта Беллемского, одного из главных врагов короля Генриха и сторонника плененного герцога Роберта. Монастырь был связан с родом беллемских графов уже долгие годы, со времени своего основания и особенно с середины 1060-х гг., со времени аббата Осберна. Историческая память монастыря была пробеллемской, и когда граф в 1113 г. был вынужден бежать к французам, к Людовику VI, а Генрих I приехал в монастырь и после беседы с братией подтвердил все ранее совершенные в пользу монастыря дарения, к личным проблемам Ордерика с самоопределением добавилась еще и сложность самоописания на групповом уровне.

Именно в это время, в 1113–1114 гг., Ордерика поручают писать его историю – новую историю монастыря, резко антибеллемскую по своему настрою¹³. В частности, она содержит жуткие истории об убийствах графом детей, о том, как призрак уже покойного Роберта скачет по ночам в составе Херлекинова воинства, как подобными ночными скачками наводила ужас на округу еще мать Роберта, известная также как отравительница, и уже она якобы испытывала страшную ненависть к монахам Св. Эбрульфа, которую передала

и сыну. Совершенные графом в пользу монастыря дарения упоминаются, но скупом¹⁴.

Рассказ о смерти Вильгельма Завоевателя стоит в одном ряду с другими порочащими Роберта Беллемского историями: когда Ордерик говорит о магнатах, оставивших своего мертвого государя, то имелась в виду вполне конкретные люди, особо приближенные к королю, среди которых был и Роберт – эта конкретность и персональность рассказа не всегда учитывается исследователями.

В истории, сочиняемой теперь Ордериком, 1090-е гг. представляются как эпоха засилья магнатов и беспомощности перед ними герцога Роберта и короля Вильгельма II, и именно с влиянием этих людей пытается бороться Генрих I. Смерть Вильгельма описывается не просто как нейтральное историческое событие, а как начало «мрачной эпохи 90-х», захвата и узурпации королевских и герцогских властных полномочий небольшой группой не имевших на то права людей. Собственно, в рассказе Ордерика, вопреки прочтению Р. Эльце, не идет речи о разграблении тела государя: тело грабят только те, кому было больше нечем поживиться, гораздо важнее было то, что магнаты захватывали королевские замки, то есть тело не было специфическим объектом разграбления, грабилось имущество короля, его владения, безотносительно к телу. Можно сказать, что рассказ в этой части вообще не о короле – в нем магнаты сопоставляются со слугами короля, нарративно ставятся с ними в один ряд (что было в духе правления Генриха I, но отнюдь не соответствовало характеру отношений с графами Вильгельма Завоевателя¹⁵), и одновременно указывается на недостойность их поведения. Рассказ о смерти Вильгельма – один из рассказов о растаскивании властных полномочий в 90-е.

Притом что правление Генриха I политически однозначно противопоставлялось «беспорядкам 90-х», Ордерик не удается достигнуть гомогенности повествования о Роберте Беллемском. Сведения о нем крайне противоречивы, рассказы производят впечатление изломанности, фрагментарности, внутренней конфликтности¹⁶. Возможно, Ордерик не хватало умения полностью абстрагироваться от более ранней традиции. Он упоминает, однако, и о критике его труда со стороны других братьев – видимо все умолчания и интерполяции становились предметом тяжелых споров с теми, кто хотел помнить историю иначе. Во введении к пятой книге «Истории» (ок. 1127 г.) Ордерик напоминает, обращаясь к аббату Гварину (1123–1137), что когда аббат Роже (1091–1123) задумал написание истории монастыря, он не знал, кому поручить это дело, ибо братья «были гораздо больше склонны к молчанию, нежели к тому, чтобы сказать нечто». И вот историю пришлось писать ему, иностранцу, выходцу из далекой Мерсии, «писать нормандцам историю деяний нормандцев»¹⁷.

Высказывания Ордерика, обращенные к аббату, весьма критичны в отношении остальной братии. Дело представляется таким образом, что вопрос о написании истории монастыря был нелегким, и в итоге дело поручили как раз тому, кто в наименьшей мере был связан с локальными интересами, кому легче всего было абстрагироваться от существовавшей традиции памяти, от предшествовавших падению беллемского дома дружеских связей монастыря. Надо сказать, что Ордерик и сам был тут фигурой не совсем нейтральной, поскольку хотя и происходил из Англии, его отец, Оделерий Орлеанский, служил Роже де Монтгомери, отцу Роберта Беллемского, и именно от него получил свой английский приход и жену. То есть Ордерик и сам был тесно связан с беллемской традицией, и в истории видно, что он пытается ограничить друг от друга Роже де Монтгомери и Роберта Беллемского с его матерью Мабиллией, управлявшей континентальными владениями семьи в отсутствие мужа.

Споры вокруг труда Ордерика Виталия не затихали. Во введении к шестой книге (ок. 1130 г.; в следующей, седьмой, уже располагается рассказ о смерти Вильгельма) он прямо обращается к своим критикам и делает это в гораздо более резкой форме, чем прежде: «Пусть прекратят болтать и помолчат те, кто и сами ничего не делают, и чужую работу принимают со злонравием, вместо того, чтобы мирно исправлять то, что им не нравится»¹⁸. Из полемических высказываний Ордерика трудно понять, за что именно его критиковали. Примечательно, что ему приходится оправдывать саму необходимость своего труда. Если аббат Роже в 1113–1114 гг. посчитал написание истории совершенно необходимым делом, то к концу 1120-х, видимо, сам аббат Гварин прислушивался к голосам тех, кто предлагал прекратить написание истории, кто сомневался в полезности продолжения Ордериком его работы. Ведь история задумывалась как примиряющая различные взгляды на монастырское прошлое, но тем самым она несла в себе и следы этого примирения, этой былой неоднозначности. История должна была создать новые формы репрезентации монастыря, приемлемые в изменившейся политической ситуации, но с 1113 по 1130 г. ситуация еще более изменилась, и возникал вопрос, в какой мере компромиссная история Ордерика все еще годится. С гибелью в 1128 г. Гильома Клитона, сына герцога Роберта, исчезла последняя надежда на восстановление старых порядков и последние мятежные бароны примирились с королем Генрихом. Между тем Ордерик до самого 1134 г., до смерти в заточении герцога Роберта, не признавал за королем Генрихом его герцогский титул и тем самым занимал политически довольно крайнюю позицию. В отличие от 1110-х гг., теперь он был человеком не свободным от прошлого, а слишком державшимся за него, и потому неподходящим для написания истории. К началу 30-х гг. 60-летний

Ордерик был уже и одним из самых старых монахов в монастыре, его окружение за прошедшие 20 лет изменилось. Как бы то ни было, и в начале работы над историей, и в начале 30-х гг. Ордерика приходилось считаться с самыми разными мнениями, включать в свое повествование разные голоса. Эта «изломанность» проявится и в описании смерти Вильгельма Завоевателя.

Здесь важно указать на то, что уже сами рассказы, с которыми пришлось иметь дело Ордерика, не представляли собой чего-то единого, он имел дело с такими же изломанными и богатыми внутренней археологией повествованиями, как и те, что производил он сам. Увидеть, каким образом рассказы составлялись из различных элементов, которые могли или сводиться вместе, или разводиться, позволяет сравнение рассказа о смерти Вильгельма Завоевателя с рассказами о смертях двух других английских королей, которые Ордерика пришлось пережить – Вильгельма II в 1100 г. и Генриха I в 1135 г. Это еще один возможный уровень контекстуализации рассказа Ордерика – уровень нарративной логики текстов.

Такое сравнение поможет нам и в ответе на вопрос: если разграбление государей было обычным ритуалом, как утверждают многие исследователи, то почему разграбили только Вильгельма Завоевателя, почему лишь о нем сохранилась подобная история? Истории Вильгельма II и Генриха I крайне примечательны, хотя и не вполне в духе ритуалистской теории.

Вильгельм II, как известно, гибнет при загадочных обстоятельствах на охоте, и как только по лесу разносятся крики о том, что король мертв, происходит, согласно Ордерика Виталию¹⁹, примерно то же самое, что и с Вильгельмом I: во-первых, все разбегаются; во-вторых, о теле короля заботятся немногие оставшиеся слуги, которые накрыли его чем пришлось и наскоро похоронили; наконец, снова возникло препятствие для похорон, на этот раз – со стороны не отдельного рыцаря, а английских прелатов, в результате король не удостоился даже колокольного звона. Важна последовательность, в которой это все излагается: за криками в лесу в тексте следует рассказ о бешеной скачке наперегонки графа Генриха, будущего короля, и Гийома Бретейского, одного из магнатов: они мчатся из леса в Винчестер, чтобы первыми завладеть королевской казной. И Ордерик в своем повествовании как бы мчит за ними, оставив короля лежать в лесу: он рассказывает о пререканиях и взаимных угрозах в Винчестере, о том, как ситуация удалось разрядить, и только после этого вспоминает о покойном. Тем самым оставление короля и возврат к нему здесь происходят на нарративном уровне, своим рассказом Ордерик воспроизводит поведение тех, кто участвовал в событиях.

Эдвард Август Фриман в своем фундаментальном труде 1882 г. «Правление Вильгельма Рыжего» оспорил утверждение Ордерика, что

король был похоронен лишь слугами²⁰. Я думаю, позиции двух историков в действительности взаимодополнительны, если учитывать эту логику возвращения, связанную с королевскими похоронами. Логика поведения исторических лиц тут изоморфна логике нарратива; но как раз это не позволяет нам сказать, существует ли логика поведения, отдельная от логики повествования, не является ли одно всего лишь эффектом, истолкованием другого. Не возникает ли мотив оставления из логики много раз повторенного устного рассказа?²¹

Рассмотрим еще одни похороны – рассказ Ордерика о смерти короля Генриха I – 1 декабря 1035 г.²² Главное, что отличает рассказ – это его особая внутренняя темпоральность: статичность, упорядоченность временной длительности. Тут никто не начинает бегать и суетиться, как в 1087 и 1100 гг.: те пять графов (Роберт Глочестерский, Гийом де Варенн, Ротру де Мортань, Валеран де Мёлан и Роберт Лестерский), что были при короле в момент его смерти, остаются при нем. Вместе с архиепископом руанским Гуго и епископом Эвре Одуэном они решают не оставлять короля, пока не похоронят его достойно. В торжественной процессии, в которой якобы участвовало до 20 000 человек, короля доставляют в Руан: мужчины и женщины «*sunctis ordinibus*» оплакивают его в соборе Богоматери, затем тело переносится в покои архиепископа, где его подвергают бальзамированию, внутренности затем хоронятся в церкви Нотр-Дам дю Пре в Эмендревиле, а забальзамированное тело через Понт-Одемер, Бонневиль и Кан достигает моря, где некоторое время ждут хорошей погоды. После Рождества тело было переправлено в Англию и захоронено в Рэдинге 4 января. Все по порядку, все продумано, ничто не предоставляется случайности, никакой спешки, подчеркнутая торжественность, всеобщность скорби.

Однако сразу за этим Ордерик пишет, что едва по стране распространилась весть о смерти короля, этого воплощения закона, многие люди решили, что теперь все дозволено, и страна погрузилась в разбой и грабежи. Дезавуирует ли это сообщение предыдущий рассказ? Проходило ли всеобщее оплакивание короля Генриха в обстановке столь же всеобщих беспорядков и грабежей? И не были ли церковные процессии, как и в 1087 г., лишь попыткой внести хоть какой-то порядок в создавшийся хаос? О 1087 г. Ордерик пишет, что люди ходили по улицам и действовали словно пьяные; в 1135 г. он использует мотив оборотничества, говоря о рыскающих голодных стаях волков.

Можно ли это рассматривать как подтверждение ритуала грабежей, пусть даже не касающихся самого тела? Возможно²³. Но примечательно, что рассказ о кончине Генриха тут удваивается. За прозаическим его описанием следует поэтическое: поэма, составленная Ордериком непосредственно

в декабре 1135 г., и теперь им самим цитируемая. Хотя в поэме тоже говорится о начавшихся беспорядках²⁴, и это кажется свидетельством из «гуши событий»²⁵, одновременно поэтический текст ставит все это описание событий под сомнение. Кровавые и жадные до чужого добра разбойники, поднимающие голову в момент смерти справедливого государя, ни во что не ставящие даже римское право²⁶, выглядят довольно абстрактной и условной риторической формулой: справедливость правления государя подчеркивается антитетическим противопоставлением ситуации, наступившей после его смерти. Будь у нас одна эта поэма, мы сочли бы пассаж о разбойниках за литературный изыск. Прозаический текст, наоборот, действует на нас реалистично, но это не отменяет того, что по сути он является пересказом поэтического, вторичен по отношению к нему²⁷.

Поэма ставила своей целью восславить почившего государя, создать государю памятник, достойный его своим художественным мастерством, умением в использовании поэтического искусства, а не оставить свидетельство о моменте похорон. Сообщение о разгуде грабежей стоит в том же ряду, что и сообщение о предшествующем процветании многих народов под властью «непобедимого скипетродержца»²⁸. Очевидно, в обоих случаях Ордерик несколько преувеличивает.

Поэма завершается просьбой к богу о даровании нового достойного государя, и уже после этого Ордерик сообщает, что Стефан Блуасский, едва получив новость о смерти Генриха, помчался к побережью, переправился в Англию и был встречен там Уильямом, архиепископом Кентерберийским²⁹. Эта суета в борьбе за корону, попытка оказаться на месте раньше других, повествовательно, однако, уже не связаны с похоронами Генриха.

Таким образом, мы имеем риторическую конструкцию, которая в какой-то мере объясняет появление в тексте мотива о грабежах; мы также имеем модель текста, где грабежи могут быть отделены от рассказа о похоронах, как могут соединяться и разъединяться и другие части этих повествований, производя различный эффект реальности. Но если эти элементы рассказов соединились так, как это произошло применительно к событиям 1087 г., то почему это произошло именно так?

Вернемся еще ненадолго к телу короля Генриха. Король только что скончался, и архиепископ Гуго побуждает графов принести клятву, что они не оставят тело и позаботятся о нем. Издатель текста Марджери Чибнелл правильно улавливает подтекст и комментирует этом место: не оставят тело, как это случилось с Вильгельмом Завоевателем³⁰. Да, но откуда они все знают, что случилось с Вильгельмом Завоевателем? Читал ли архиепископ Гуго рукопись Ордерика? Мы этого не знаем, но знакомства архиепископа с «Церковной историей» (спорной даже внутри

монастыря) вряд ли было бы достаточно, чтобы ее сведения имели обязывающее воздействие на графов. Скорее, история об оставлении тела была уже и так хорошо всем известна, и именно потому к ней можно было апеллировать. Но спустя 50 лет это уже не могло быть живой памятью о событии, это могла быть только память институционализируемая, память, специально создаваемая и поддерживаемая в среде людей.

На наш взгляд, эта история после 1100 г. стала одним из основных пропагандистских мифов эпохи Генриха I: она рассказывалась не как история о смерти короля Вильгельма, а как одна из историй о злодеяниях Роберта графа Беллемского, Гильома графа Эврё, Гильома графа Бретейского, Рауля графа Коншского – людей, приближенных к Вильгельму Завоевателю, которые сами или их наследники в 1100 г. противились приходу к власти Генриха и на которых, как уже говорилось, после 1100 г. была возложена вся ответственность за внутренние раздоры 90-х. Пропагандистски о них распускались страшные истории – и то, что они оставили своего мертвого короля лежащим на полу и раздетым, было не самым большим из злодеяний, но и не то, чтобы незначительным.

Неудивительно поэтому, что первое, о чем думают у тела Генриха пять графов, два епископа и прочие присутствующие, – мы не поступим так, как они. Дело даже не в реальной надобности или ненадобности убежать, от которой отказываются: по сути, эта старая история не оставляла им выбора, они бы идентифицировали себя с жалкими остатками беллемской партии. То есть клятва остаться потому была действенной, что была фиктивной, никто и не собирался бежать, а отсылка к истории о 1087 г. лишь акцентировала семантику собственного поведения, спокойной продуманности и достоинства действий, легитимирующей власть именно этих графов, а не тех, что бежали ко французскому королю, во Фландрию или Калябрию.

Хотя в общем можно сказать, что пять графов на самом деле занимались тем же, что и их предшественники в 1087 г., только теперь узурпация в свою пользу части королевской идеологии, обретение символического капитала, были более выгодны и уместны, чем грубый захват королевских замков за 50 лет до этого.

Понятно, что эта сцена обещания такая же реконструкция Ордерика, как и все остальные, хотя он в принципе и мог иметь сведения о ней из первых рук от присутствовавших там клириков. Это не важно: главное, что рассказ заведомо предполагает известность всем этой истории как позорящего примера, который исключает для присутствующих у гроба определенные формы поведения. Эта известность является условием самого рассказа.

Другой интересный вопрос, который уводит нас, наконец, от тела Генриха – где взяла генриханская пропаганда рассказ о разграблении тела

Вильгельма Завоевателя? Здесь снова надо обратить внимание на неоднородность рассказа.

В нем есть апологетическая часть, где король прощается с миром и умирает точно в назначенный ему час.

Есть страдальческая часть, где мертвый король претерпевает унижение, которая, судя по всему, существовала в качестве экземпляра в проповеди, потому что содержит необычное по форме для Ордерика обращение к читателю: «Cernite prescor omnes, qualis est mundana fides»³¹. Разделение мертвого тела двусмысленно: в церковной традиции оно может рассматриваться по аналогии с надругательствами над нагим Христом, и, видимо, такова версия Ордерика или той проповеди, которую он цитирует: беззаконие, говорит он, обратилось на самого судью, оказался унижен защитник унижаемых. Но содержание этого образа в сознании людей того времени христологическими метафорами не исчерпывается. Вполне вероятно, что проповедник не сам придумал этот политически опасный экземпляр о надругательстве над королем, история попала в проповедь откуда-то еще и, видимо, циркулировала помимо конкретной проповеди и церковных кругов. В светской же воинской традиции лежать без одежды мог только побежденный, и лежать бесславно³². Этот поучительный рассказ мог иметь в своей основе рассказ хулительный, в котором победитель-Вильгельм к концу жизни оказывался-таки побежденным.

Наконец, в рассказе о смерти короля можно выделить, как мне кажется, уже однозначно хулительную часть, где рассказывается, как каменщики ошиблись, тело не влезало в саркофаг, как его стали туда запихивать, оно лопнуло и извергло такую вонь, что священники поспешили закончить церемонию побыстрее и разойтись по домам. Быстро разлагаются и воняют в средневековых текстах обычно тела еретиков, тиранов и прочих неправедно живших людей.

Вероятно, вообще неправильно говорить в связи с событиями 1087 г. о «рассказе» в единственном числе, скорее, это довольно конфликтная компиляция нескольких сюжетов разного происхождения, сильно различающихся по своей интенции, которая к тому же менялась во времени. Откуда взялась апологетическая версия – не так загадочно здесь, как то, откуда взялась посрамляющая короля история – история, посрамляющая отца правящего государя. При этом посрамление именно Вильгельма абсолютно не было нужно беллемской партии, ровно наоборот, они апеллировали к тому, что Вильгельм-то был к ним милостив. Ордериковская версия истории для 30-х гг., как кажется, не могла устраивать никого, и в качестве выражения позиции монастыря выглядит политическим безумием. В «Церковной истории» есть рассказ о казни Генрихом I в 1124 г. рыцаря Люка де ля Барра, которого лишили глаз за то, что он распевал о короле хулительные песни³³.

Ордерика могла бы ожидать та же участь, если бы эта история, как мы уже видели, не была официально принятой при самом королевском дворе: пропагандистски используемой двором для борьбы с магнатами при жизни короля и для обоснования нового властного порядка в момент его смерти. История Ордерика интересна тем, что, возможно, позволяет нам заглянуть в механизм рекрутирования пропагандистских рассказов во времена Генриха I и увидеть его историческую специфику, как и культурную специфику эпохи Генриха I в целом.

Надо сказать, что история Ордерика Виталия вообще известна своими хулительными рассказами о короле, которые перемежаются со вполне апологетическими, в духе «Деяний нормандских герцогов» более ранних авторов. Память о Вильгельме Завоевателе в Нормандии никогда не была однозначной, но нормандские рассказы в истории Ордерика Виталия, тем не менее никогда не делают самого герцога и потом короля ответственным за несправедливости. Находившиеся в опале представители знати потом часто возвращали себе милость герцога или же рассчитывали ее вернуть, и потому в их интересах было порочить не самого правителя, а своих соперников при его дворе, оставляя себе возможность примирения³⁴.

Этой потенциальной обратимостью нормандские рассказы отличаются от английских – от рассказов, повествующих о злодеяниях короля в Англии: например, вероломные или неоправданно жестокие расправы с английской знатью. В истории Ордерика Виталия, англичанина по происхождению и всегда акцентировавшего свою английскость (его текст – это еще неоткрытый объект для постколониальных исследований), постоянно прорываются проанглийские версии истории, которые Ордерик мог и слышать в детстве, и узнать во время своих поездок в Англию в зрелом возрасте³⁵. Английские по сюжету рассказы более однозначны в представлении врагом самого короля. Это позволяет сделать предположение, что хулительные элементы истории могли иметь именно английское происхождение. Примечательно, что такого рода рассказы складываются именно о первых двух Вильгельмах, крайне нелюбимых в Англии.

Король Генрих, напротив, как уже говорилось, известен своей примирительной политикой по отношению к англичанам. Трудно сказать, насколько больше они его за это любили, но король, во всяком случае иногда, как бы принимал их точку зрения, присвоил антинормандскую идеологию для борьбы с нормандскими магнатами, и в контексте этого утилизируемой могла оказаться и английская история, позорящая его собственного отца – как раз благодаря содержащейся в ней двусмысленности, связанной с христианской и светской трактовками. И кроме того, повторю, в определенном контексте эта история может быть прочитана не как рассказ о короле, а как рассказ

о его ближайших сподвижниках в завоевании Англии.

Возможно, в полемике с такими рассказами и возникло в конце 1090-х гг. официальное повествование «De obitu Willelmi». Той же цели должна была служить серебряная позолоченная арка работы немецкого мастера Оттона, которая как бы сближала почившего со святыми, а не со зловонными грешниками.

Известно, что хулительные рассказы существовали в Северной Европе как особый жанр, в котором большее значение имел не принцип правдоподобия, а способность как можно дальше от него уйти, создать совершенно невероятный образ. Возможно, то, что Е.А. Гуревич и И.Г. Матюшина писали о хулительной брани в скандинавских обществах XI в., применимо и к англо-нормандской культуре того же времени: «Наиболее характерная черта перебранок состоит в том, что оспаривается не истинность “предварительного инцидента”, а только его интерпретация. Тем самым снимается вопрос, преимущественно обсуждавшийся в исследованиях этого жанра, о том, заключена ли во взаимобвинениях оппонентов доля истины. Вне зависимости от того, как он решается, т.е. признаются ли справедливыми взаимные оскорбления (сцена перебранки тогда рассматривается как источник сведений о предыстории сюжета и его основное событийное ядро) или, напротив, вся сцена трактуется как не имеющее отношения к действительности развлекательное отступление, дающее представление об особенностях германского этикета, торжествует в перебранке не истина, а искусство вербальной хулы и похвалы. Победа в споре зависит от того, насколько удачно одному из оппонентов удастся создать наихудшую из возможных версий определенных событий (хула) и наилучшую из возможных интерпретаций тех же событий»³⁶.

Это возвращает нас к вопросу о соотношении интерпретаций и реальности происшедшего в 1087 г.: какой бы по происхождению ни была версия рассказа, можно ли все-таки увидеть за ним какую-то твердую реальность? Постмодернистская культура отпугивает нас от таких откровенно позитивистских вопросов, и тем не менее: тут есть одно косвенное указание и одно довольно прямое.

Косвенным указанием может служить небольшое поэтическое сочинение Фомы из Байе, архиепископа Йоркского (1070–1100), написанное вскоре после смерти короля, в котором обыгрывается величие государя и невеликость его могилы — обыгрывается в смысле несоотнесенности великих деяний человека и его телесных останков³⁷. Если бы история о лопнувшем теле была правдой или хотя бы была известна вскоре после похорон, сочинение Томаса Йоркского звучало бы издевкой, и вряд ли именно его нанесли бы золотыми буквами на ту арку, что была возведена над могилой некоторое время спустя после похорон. Не послужило

ли само это сочинение или память о нем уже после разбора арки (переплавленной из-за денежных трудностей в 90-е же годы) основанием для рассказа о неподобающе малом саркофаге?

Гораздо более непосредственным указанием на обстоятельства похорон Вильгельма Завоевателя является сам саркофаг короля в церкви аббатства Св. Стефана. Почему бы не вскрыть его и не посмотреть, действительно ли король едва поместился туда и запихан кое-как?

На самом деле, такое простое решение вопроса об обстоятельствах похорон Вильгельма Завоевателя осенило историков еще на заре нашей профессии: уже в 20-е гг. XVI в. могилу отворили и нашли останки, располагающиеся в полном порядке. Тело вообще хорошо сохранилось, поскольку было забальзамировано: если бы ему и случилось лопнуть во время похорон, запах сообщил бы всем огню не о греховности почившего³⁸.

Затем могила была снова закрыта, и с тех пор эти безынтересные останки исчезли из поля зрения большинства историков, пишущих о Вильгельме Завоевателе³⁹. Из непосредственно доступного прошлого историю не сделаешь.

Примечания

- 1 См.: The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. M. Chibnall. Vol. 4. Oxford, 1973. P. 78–108. (Далее — O.V., IV, 78–108.)
- 2 Эта речь, в частности, содержит знаменитое распоряжение о разделе наследства между тремя сыновьями короля, которое Ж. Дюмезиль в свое время в «Мифе и эпосе» анализировал как пример характерной для индоевропейской мифологии трехфункциональности (государь воплощает в себе правосудие, воинскую силу и изобилие): так, Роберт описывается в «Речи Вильгельма» как храбрый воин и получает герцогство Нормандию, Вильгельм воплощает справедливость и получает королевство Англию, Генрих же получает наследство деньгами и с ним связывается будущее благополучие королевского рода. Наблюдения Дюмезиля в этом случае важны потому, что подчеркивают сказочный характер повествования, заставляют обратить внимание на то, каким образом реальный раздел власти после смерти короля воспринимался людьми того времени и приобретал фикциональные черты. Не менее важно, однако, и то, что предрекая Генриху владение долями обоих старших братьев и достижение даже большего, «Речь Вильгельма» очевидно является элементом политической «пропаганды» 1100–1135 гг., которая, по-видимому, реутилизировала различные ходившие до этого среди людей рассказы. Пропагандистское реутилизирование рассказов будет главным вопросом в этой статье.
- 3 O.V., IV, 100. Согласно Ф. Арьесу, знание часа собственной смерти — один из основных признаков «хорошей смерти».
- 4 Рассказ интерполирован в «Деяния нормандских герцогов» Гильома Жюмьежского: William of Jumieges.

- The Gesta Normannorum Ducum / Ed. E.M.C. van Houts. Vol. 2. Oxford, 1995. P. 184–190.
- 5 Э. ван Хоутс справедливо указывает на параллели между «De obitu» и «Жизнью императора Людовика» т.н. Астронома, а также «Жизнью Карла Великого» Эйнхарда. По большей части текст дословно воспроизводит обстоятельства смерти императора Людовика Благочестивого, но во многих местах он перерабатывает образец, и как раз эти переработки выдают желание автора приспособить историю для легитимации королевской власти Вильгельма II – того обстоятельства, что корона не перешла к старшему сыну Роберту. Включение в рассказ фальшивых врачей-свидетелей смерти короля, имена которых взяты из грамоты 1097 г., позволяет Э. ван Хоутс датировать «De obitu» временем между составлением этой грамоты и гибелью короля Вильгельма, то есть 1097–1100 годами. William of Jumieges. The Gesta Normannorum Ducum / Ed. E.M.C. van Houts. Vol. 1. Oxford, 1992.
 - 6 См.: Elze R. Sic transit gloria mundi. Zum Tode des Papstes im Mittelalter // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 34. 1978. S. 1–18.
 - 7 См.: Ritual Pillages: A Preface to Research in Progress: The Bologna Seminar Coordinated by Carlo Ginzburg // Microhistory and the Lost Peoples of Europe / Ed. E. Muir, G. Ruggiero. Baltimore, L., 1991. P. 20–41; Paravicini-Bagliani A. The Pope's Body. Chicago, 2000; Gardner J. The Tomb and the Tiara: Curial Tomb Sculpture in Rome and Avignon in the Later Middle Age. Oxford, 1992; Bertelli S. Il Corpo del re. Sacralità del potere nell'Europa medievale e moderna. Firenze, 1995; Бойцов М.А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. М., 2002. С. 163–164.
 - 8 См.: Барлоу Ф. Вильгельм I и нормандское завоевание Англии. СПб., 2007; Douglas D.C. William the Conqueror. L., 1964.
 - 9 Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 90. Надо отметить, тем не менее, что Ордерик настаивает на исследовательском характере своей работы, он старательно выяснял обстоятельства смерти короля: «Ecce subtiliter inuestigauī, et ueraciter enucleauī quae in lapsu ducis pie ostendit dispositio Dei.» O.V., IV, 106.
 - 10 См.: O.V., IV, 102.
 - 11 См.: Chibnall M. The World of Orderic Vitalis. Oxford, 1984. P. 3–17.
 - 12 «Decennis itaque Britannicum mare transfretauī, exul in Normanniam ueni, cunctis ignotus neminem cognouī. Linguam ut Ioseph in Ægipto quam non noueram audiui.» O.V., VI, 554.
 - 13 Никто из исследователей удивительным образом не видит связи между событиями 1113 г. и началом написания истории тогда же, и ищут причины составления этого текста в общих представлениях об интересе к истории в Средневековье. Тем самым упускается важное измерение текста Ордерика, с этим связано множество проблем в его прочтении современными историками. Обоснование даты начала работы Ордерика Виталия над текстом приводит М. Чибнэлл во введении ко вто-
 - рому тому оксфордского издания «Церковной истории» – из косвенных данных, содержащихся в первой книге (которая в 30-е гг. в общем плане превратилась в третью – и это ее последующее вытеснение из начала также примечательно), следует, что работа над текстом уже велась в 1114–1115 гг. Таким образом, начало работы можно отнести к 1113–1114 гг.
 - 14 Подробнее об этих обстоятельствах написания «Церковной истории» см.: Савицкий Е.Е. Почему пишется история? Отрицание прошлого в «Церковной истории» Ордерика Виталия // Homo historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Под ред. А.О. Чубарьяна. Кн. 1. М., 2003. С. 416–437.
 - 15 Отношения Вильгельма Завоевателя с графами были скорее союзнические, как это исторически сложилось в Нормандии к середине XI в. (см.: Searle E. Predatory Kinship: The Creation of Norman Power, 840–1066. Berkeley; Los Angeles; L., 1988.); Генрих же занимался тем, что возвышал людей невысокого происхождения, которые были обязаны своим статусом службе королю и почитали за честь «есть хлеб короля». Ср.: O.V., VI, 16–18, 350.
 - 16 См.: Савицкий Е.Е. Указ. соч.
 - 17 Иронически выворачивая высокомерное нормандское отношение к англичанам, Ордерик описывает себя как варвара, явившегося от самых дальних границ Мерсии, которому теперь предстоит написать норманнам их же историю: «Tandem ego de extremis Merciorum finibus decennis Angligena huc aduectus, barbarusque et ignotus aduena callentibus indigenis admixtus, inspirante Deo Normannorum gesta et euentus Normannis promere scripto sum conatus.» O.V., III, 6.
 - 18 «Conticescat obsecro et quiescant qui nec sua edunt, nec aliena benigne suscipiunt, nec si quid eis displicet pacifice corrigunt.» O.V., III, 212–214.
 - 19 См.: O.V., V., 288–292.
 - 20 См.: Freeman E.A. The Reign of William Rufus. Vol. 2. Oxford, 1882. P. 678–680.
 - 21 Почти единодушное неприятие исследователями средневековой историографии работ Хейдена Уайта и вообще всякого «постмодернизма» ведет, на мой взгляд, к исключению важных исследовательских гипотез, и пример Ордерика Виталия лишний раз это доказывает. О якобы непригодности исследований Х. Уайта повествуют, например, труды историков в сборнике: Von Fakten und Fiktionen: Mittelalterliche Geschichtsdarstellungen und ihre kritische Aufarbeitung / Hg. J. Laudage. Köln; Wien, 2003. См. также уже цитированную статью А.Я. Гуревича, где об Ордерике Виталии говорится как раз в контексте полемики с Уайтом и Лакапрой.
 - 22 См.: O.V., VI, 448–450.
 - 23 Именно этого мнения придерживаются С. Бертелли и М.А. Бойцов. См.: Бойцов М.А. Указ. соч. С. 166.
 - 24 «... / Occidit Henricus rex prima luce Decembris, / Lugubria incumbit patriae contritio membris. / Tollere quisque cupit iam passim res alienas, / Rebus in iniustis en quisque relaxat habenas/...» O.V., VI, 452.
 - 25 Эффект присутствия создается восклицанием «Вот!»: «... / Ecce gehennales furiae mortalibus instant, / Arma

- parant, ad bella uocant, et spicula donant. / Normannis furtis institunt atque rapinis, /...» O.V., VI, 452.
- ²⁶ «Femina clara gemit rabie spoliata latronum, / Tegmina ius non seruat ei generale Quiritum.» Ibid.
- ²⁷ «Общепринятыми аксиомами в теории литературы считаются утверждения, что обычная речь людей и речь художественной прозы – одно и то же и, вследствие этого, что проза по отношению к поэзии – явление первичное, предшествующее. Выдающийся знаток теории стиха Б.В. Томашевский, подытоживая свои многолетние разыскания в этой области, писал: «Предпосылкой суждений о языке является аксиома о том, что естественная форма организованной человеческой речи есть проза». Стиховая речь мыслится как нечто вторичное, более сложное по структуре. [...] Мы стараемся показать, что на типологической лестнице от простоты к сложности расположение жанров иное: разговорная речь – песня (текст + мотив) – «классическая поэзия» – художественная проза». *Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 35–36.*
- ²⁸ «Sceptri ger inuictus, sapiens dux, inclitus heros / Qui fouit populos iusto moderamine multos / Proh dolor occubuit, dolor hinc oritur generalis /...» O.V., VI, 450.
- ²⁹ См.: O.V., VI, 454.
- ³⁰ См.: O.V., VI, 449 п. 5.
- ³¹ O.V., IV, 102. О схожести рассказа с экземпляра писал в цитированном отрывке А.Я. Гуревич, специально занимавшийся изучением такого рода историй. Представляется, однако, что его выводы верны лишь применительно к части рассказа и лишь в один из промежуточных этапов его бытования.
- ³² Как, например, погибшие английские воины на ковре из Байе, с которых еще до окончания боя слуги начинают стаскивать одежду; или упоминаемый Ордериком рыцарь Гийом Ловель, бегущий в 1124 г., после сражения при Ружмонтье, с поля боя без доспехов, сбрывающий себе волосы, чтобы выглядеть оруженосцем, и отдающий сапоги лодочнику, дабы тот переправил его на другой берег Сены. (O.V., VI, 352.)
- ³³ «...Lucam quoque de Barra pro derisoriiis cantionibus et temerariis nisibus orbari luminibus imperavit.» O.V., VI, 352. Шарль, граф Фландрский, гостивший в это время при дворе Генриха в Руане, пытался вступить за де ла Барра, ведь плененных рыцарей не принято казнить, но безуспешно: король ответил, что он в своем праве.
- ³⁴ Хорошим примером тут может быть история рода Грандменилей, которые были в разное время патронами монастыря св. Эбрульфы, где Ордерик писал свою историю. Они сначала были изгнаны из Нормандии, вернулись накануне завоевания Англии и участвовали в нем, а затем снова были лишены владений, но только в Англии.
- ³⁵ В этом они схожи с французской королевской историографией, которую Ордерик, однако, не цитирует: либо он ее не знал, либо, что скорее, учитывая разносторонность его интересов, сознательно ее игнорировал, в отличие от английской традиции памяти. Ордерик мог бы точно так же игнорировать и английские рассказы, но примечательно, что этого он не делает. Известно, что антинормандские тексты разного рода в большом количестве составлялись в Англии, и, видимо, в устной форме разных историй ходило еще больше, но Ордерик жил в нормандском монастыре, основанном теми, кто участвовал в завоевании, и одной из задач монастыря было сохранение доброй памяти об этих людях. Более того, как показывает ковер из Байе, а также «История Вильгельма Завоевателя» Гильома из Пуатье и «Деяния нормандских герцогов» Гильома Жюмьежского, нормандцы без стеснения похвалялись победой над англичанами. Текст Ордерика свидетельствует о том, что при Генрихе изменились критерии приемлемого в отношении исторической памяти. Выше уже говорилось о том, как Ордерик иронически обыгрывает ситуацию, когда ему, англичанину, пришлось писать «нормандцам историю деяний нормандцев» – это при том, что Ордерик с самого начала избрал для своей работы английское, «бедианское», название «Церковная история», отказавшись от модели «Деяний», с которой ему пришлось иметь дело, перерабатывая «Деяния» Гильома Жюмьежского.
- ³⁶ *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 464–465.*
- ³⁷ «... / Rex magnus parua iacet hac Guillelmus in urna / Sufficit et magno parua domus domino. /...» O.V., IV, 110.
- ³⁸ См.: *Boüard M. de. Guillaume le Conquerant. Paris, 1984. P. 439.*
- ³⁹ Исключение составляет Мишель де Буар, который на этом основании отказывает в каком-либо правдоподобии рассказу Ордерика, «непонятно из каких источников взятому». Франсуа Невё, хотя и упоминает о результатах эксгумации, но лишь мельком, изложив в основном версию Ордерика, поскольку, строго говоря, эксгумация опровергает лишь историю с лопнувшим телом, но не с предшествующим разграблением. Так как и сам Ордерик упоминает о приглашении мастеров по бальзамированию рыцарем Херлуином перед перевозкой тела из Руана в Кан, полное недоверие к Ордерика со стороны де Буара Невё считает неоправданным. См.: *Boüard M. de. Op. cit.; Neveux F. La Normandie des ducs aux rois, X–XII siècle. Rennes, 1998. P. 439.*